

— Позволь мне ещё раз осмотреть твою спину, сама ты вряд ли сможешь обработать раны, — тихо произнесла Фу Яньцин, закончив перевязку. — Кажется, с тех пор как мы встретились, ты постоянно получаешь ранения.

Чжао Цзыянь повернула голову:

— Даже если бы мы не встретились, всё было бы так же. Просто раньше никто не обрабатывал мне раны.

Фу Яньцин на мгновение замерла, затем ласково погладила её по голове. От этого Чжао Цзыянь покраснела.

— Что ты сказала императору в тот день? Как он отреагировал? Почему драгоценная наложница Сяо всё ещё ведёт себя так нагло?

Взгляд Чжао Цзыянь на мгновение потемнел, но затем она легко ответила:

— Ему просто было любопытно, где я научилась такому мастерству.

— Ты сказала ему правду?

— Нет, я не осмелилась. Он любит Чжао Моцзянь, но никогда не обращал на меня внимания. Если бы я сказала правду, он вряд ли бы заступился за меня, а драгоценная наложница Сяо точно не оставила бы меня в покое. Я просто сказала, что она велела мне тренироваться вместе с седьмой принцессой.

— Ань, иногда мне кажется, что ты совсем не похожа на ребёнка, — после короткой паузы произнесла Фу Яньцин.

Чжао Цзыянь хитро улыбнулась:

— Цин тоже не похожа. Ты всего на два года старше меня, но намного сильнее, чем Чжао Моцзянь и остальные.

Фу Яньцин впервые услышала, как та так её называет. Обращение «Цин» от ребёнка звучало странно. Она слегка стукнула её по голове:

— Не шали. Ты же знаешь, что я старше тебя на два года. Кто разрешил тебе называть меня Цин...

Само обращение казалось ей слишком нежным, и она даже не могла произнести его вслух.

Чжао Цзыянь подползла ближе и, моргая, спросила:

— Тогда как мне тебя называть? Ацин? Нет, не нравится. Яньцин? Слишком формально, не хочу. Чаннин — это титул, так называют другие, мне тоже не хочется.

Увидев её милое выражение лица, Фу Яньцин тоже решила пошутить и, притворившись серьёзной, ущипнула её за мягкую щёчку:

— Тогда назови меня сестрой.

Чжао Цзыянь мгновенно покраснела и смущённо пробормотала:

— Я не хочу называть тебя сестрой.

Фу Яньцин, забавы ради, серьёзно сказала:

— Хорошо, не надо. Но тогда я больше не буду звать тебя по имени, и ночью ты больше не сможешь залезать ко мне в окно.

Чжао Цзыянь запаниковала:

— Как ты можешь так поступать?

— А почему бы и нет?

Чжао Цзыянь долго не могла найти ответа, но в конце концов смущённо пробормотала:

— Тогда... я буду звать тебя Цин-сестра, и это предел.

Фу Яньцин прищурилась:

— Ну, так назови меня?

Чжао Цзыянь долго сдерживалась, но наконец тихо, как комарик, прошептала:

— Цин-сестра.

Фу Яньцин была в восторге и, словно ребёнок, улыбнулась от души. Чжао Цзыянь, видя её радость, почувствовала, как её собственное смущение и нежелание растворились в улыбке.

20 ноября 17-го года правления под девизом Цзинтай принц Северной Лян Цзюйцзюй Янь, сопровождаемый послами, готовился отправиться домой. Перед отъездом он особо попросил выразить благодарность принцессе Чаннин и девятой принцессе за спасение его жизни. Он сказал, что молодёжь рождает героев, и Великая Ся полна талантов, после чего подарил им пару кинжалов.

Цзюйцзюй Яню было всего девятнадцать лет, и он был человеком благородным. В тот день Фу Яньцин и Чжао Цзыянь, несмотря на юный возраст, защитили его от нападения убийц. Хотя это было связано с его особым статусом, он испытывал к ним симпатию.

Глядя на них, Цзюйцзюй Янь улыбнулся:

— Во время этого визита в столицу я многому научился, увидел великолепие столицы Великой Ся и встретил множество интересных людей. Принцесса Чаннин и девятая принцесса произвели на меня особенно сильное впечатление. Вы спасли мне жизнь, и эти кинжалы, созданные мастерами Северной Лян, — скромный знак моей благодарности. Прошу принять их.

Фу Яньцин посмотрела на кинжал в руке. Он был длиной всего в чи, сделан из высококачественной стали, с рукоятью, украшенной замысловатым узором. Она вытащила кинжал из ножен. В отличие от кинжалов Великой Ся, он был однолезвийным, скорее напоминал небольшой изогнутый меч. Солнечный свет отражался от лезвия, создавая блики, и ощущался лёгкий холодок. Это действительно был хороший клинок.

— Отличный клинок. Благодарю вас за щедрость, принцесса Чаннин и девятая принцесса с благодарностью принимают ваш подарок.

Цзюйцзюй Янь, казалось, был очень доволен:

— Принцесса, вы действительно прямолинейны. К сожалению, я не могу остаться надолго, но... если у вас когда-нибудь будет возможность посетить Северную Лян, я буду рад вас принять.

Чжао Цзыянь, которая обычно не проявляла эмоций на людях, на этот раз слегка кивнула:

— Что касается нападения, император сказал, что зачинщик ещё не найден. Будьте осторожны в пути.

Услышав это, Цзюйцзюй Янь посмотрел на Чжао Цзыянь, которая обычно оставалась в тени, и вспомнил её поведение в тот день, а также странные действия императора Цзин. Он был очень заинтригован. Эта девятая принцесса явно была необычной. Он поклонился и громко сказал:

— Я понимаю, прощайте.

После того как Цзюйцзюй Янь ушёл, Чжао Цзыянь протянула кинжал Фу Яньцин:

— Сохрани его для меня.

Фу Яньцин поняла её намерение:

— Хорошо, пора возвращаться. Император разрешил тебе поступить в Академию Хунвэнь, так что в будущем всё будет лучше.

— Ммм... Чжао Цзыянь.

Фу Яньцин на мгновение замерла, а Чжао Цзыянь повторила:

— Он... дал мне это имя.

Фу Яньцин с сложным выражением лица сказала:

— Оно красивое.

Чжао Цзыянь слегка сжала губы. Возможно, Чжао Циань навсегда останется лишь мечтой, но Чжао Цзыянь тоже неплохо, особенно если Фу Яньцин считает это имя красивым.

Жизнь во дворце была тяжёлой, но она заставляла Фу Яньцин становиться всё более осознанной. Хотя борьба с Чжао Моцзянь и её матерью вызывала у неё усталость, с течением времени ненависть, с которой она вернулась в этот мир, начала утихать. Теперь она думала лишь о том, как стать сильнее. Мастерство, которое она обрела в прошлой жизни, ей также нужно было восстановить.

Что касается Чжао Цзыянь, то, хотя она всё ещё не пользовалась расположением, она больше не была неизвестной, забитой в глубинах дворца. Драгоценная наложница Сяо не стала сдерживаться, но для Чжао Цзыянь ситуация уже значительно улучшилась.

Они избегали всех и тайно встречались, что было для них обоим единственным утешением во дворце. Однако из-за множества шпионов, следивших за ними, каждая встреча была редкой и потому ещё более ценной.

Так незаметно наступил 18-й год правления под девизом Цзинтай, и пришёл праздник середины осени. Даже во дворце это было грандиозное событие. По сложившейся традиции,

император Цзин устраивал семейный пир, на котором присутствовали наложницы пятого ранга и выше, а также князья, принцессы, принцы и принцессы. Все они собирались в Императорском саду, чтобы любоваться луной и пить вино.

В этот день Фу Яньцин была напряжена, ведь она ждала этого дня слишком долго. В прошлой жизни она смогла вернуться в Резиденцию юго-западного князя только тогда, когда её отец, Фу Хуай, был при смерти. Перед смертью он сожалел, что из-за него Фу Яньцин оказалась одна, покинув Резиденцию юго-западного князя и пережив много трудностей во дворце.

В то время он упомянул одну вещь, которая глубоко впечатлила Фу Яньцин. Он сказал, что на шестой год её пребывания во дворце, в день праздника середины осени, он отправил главу Теневой стражи Резиденции юго-западного князя, чтобы тот, воспользовавшись возможностью вручить подарок от резиденции, проник во дворец и вывез её. Однако тогда она была близка с Чжао Моцзянь и всю ночь провела на пиру, а затем отправилась в Чертог Гуанлин, из-за чего упустила возможность.

То есть, если всё шло по плану, это должно было произойти сегодня вечером. Фу Яньцин не хотела оставаться во дворце. Её отец, хотя и понимал намерения императора Цзин, никогда не думал, что тот будет настолько безжалостен, и всё ещё питал надежду. В его сердце безопасность Великой Ся уже давно превосходило всё остальное. Он хотел передать военную власть, но из-за непрекращающихся войн на юго-западе и преобладания гражданских чиновников над военными, он всё откладывал.

Только вырвавшись из дворцовых оков, она могла попытаться спасти Резиденцию юго-западного князя, чтобы не оказаться в безвыходной ситуации.

Однако, несмотря на твёрдое решение, она чувствовала грусть. Если она уйдёт, что будет с Чжао Цзыянь? Ребёнок, который только с ней мог быть наивным и искренним, станет ли таким же подавленным человеком? Кроме того, она не понимала, как её отец сможет безопасно вывезти её из дворца, не разозлив императора Цзин?

В этой внутренней борьбе ночь праздника середины осени наступила. В этом году погода была особенно хорошей. Луна медленно поднималась с запада, пробиваясь сквозь тонкие облака, сияя, как нефритовый диск. Она висела над залитым сумерками императорским городом, щедро разливая мягкий свет.

В лунном свете тени дворца казались причудливыми, переплетаясь и создавая необычный пейзаж. В Императорском саду были расставлены столы с вином, а на них — различные виды лунных пирожных, приготовленных дворцовыми поварами. Вокруг горели фонари, создавая яркое, праздничное настроение, но они не могли затмить лунный свет.

<http://bllate.org/book/16696/1533215>